

К. Ю. Нефедов

Коронация Птолемея I и возникновение эллинистической монархии

огласно распространенному мнению, эллинистическая монархия, как новая форма государственности, возникла летом 306 г. до н. э., когда Антигон Одноглазый и его сын Деметрий Полиоркет, разбив Птолемея в битве при Саламине Кипрском, первыми из всех преемников Александра Македонского официально приняли царские титулы. Между тем, не вызывает сомнений, что Антигон провозгласил себя и Деметрия царями всей македонской державы, то есть фактически занял пустующий трон Александра и его наследников, а не создал свою собственную монархию эллинистического типа¹.

По-настоящему же новаторской для греко-македонского мира стала коронация Птолемея I, который отважился принять царский титул вслед за Антигонидами и окончательно разрушил таким образом единство бывшей державы Александра. Именно его примеру, а не примеру Антигона, сразу же последовали остальные диадохи — Лисимах, Кассандр и Селевк. Поэтому изучение обстоятельств принятия царского титула Птолемеем имеет огромное значение для понимания основ эллинистической государственности.

Наиболее проблемным вопросом в этой теме на протяжении многих лет является дата официальной коронации Птолемея. Из сообщений Диодора Сицилийского, Плутарха, Аппиана и Юстина можно заключить, что Птолемей, не желая уступать в достоинстве своим противникам, принял царский титул в самое ближайшее время после коронации Антигонидов (Diod., XX, 53, 3; Plut., Demetr. 18, 1; App., Syr. 54; Just. XV, 2). То есть это должно было произойти не позже лета 306 г. до н. э., так как битва при Саламине, после которой Антигон и Деметрий приняли царские титулы, произошла весной того же года. Однако документальные источники свидетельствуют, что Птолемей начал официально именоваться царем значительно позже — минимум через полтора года после узурпации царского трона Антигонидами. Так, в двух демотических египетских папирусах не Птолемей, а Александр IV, покойный наследник Александра, назван царем еще в месяце хатир 13-го года его правления, то есть в период

¹ Э. Грюэн и Р. Биллоуз считают, что Антигон и Деметрий не претендовали на трон Александра и приняли царские титулы только как правители своих собственных царств, ограниченных территориями «завоеванной копьем» [1, р. 261–265; 2, р. 318–322]. Однако эта точка зрения вступает в противоречие с данными античной традиции. В нарративных источниках сохранилось множество упоминаний о том, что Антигон как до, так и после официальной коронации стремился к верховной власти в империи Александра (Diod., XVIII, 50,1–2, 50,5, 54,4, XIX, 55,4–56,2, XX, 37,4, 106, 2–4, XXI, 1,1; Plut., Eum. 3, 3, 12, 1–2, Plut., Demetr., 28, 2). Считать все это лишь отголосками пропаганды противников Антигона, как это делает Р. Биллоуз, нет оснований, тем более что большая часть этих сообщений восходит к «придворному» историографу первых Антигонидов — Иерониму из Кардии.

с 6 января по 4 февраля 304 г. до н. э. [3, р. 31]. Первая датировка царствования Птолемея в Египте (2 число месяца Тот второго года правления Птолемея) относится к 28 ноября 304 г. до н. э. [4, р. 104], а, возможно, даже к 302 г. до н. э.¹ Другой текст — Птолемеевский астрономический канон — приурочивает первый год правления Птолемея к периоду с ноября 305 по ноябрь 304 г. до н. э. [6, п. 7]. Аналогичную датировку дает и греческий документальный текст — Паросская хроника, которая была составлена в начале III в. до н. э. на острове Парос, находившемся в те годы под контролем Птолемея. Здесь сказано, что Птолемей стал царем в год архонта Эвксениппа, то есть между 23 июля 305 и 11 июля 304 г. до н. э. (FGrHist № 239, 54). К. Беннет, совмещая данные птолемеевского астрономического канона и Паросской хроники, точно определяет отрезок времени, в который Птолемей должен был принять царский титул — 7 ноября 305–11 июля 304 гг. до н. э. [6, п. 7].

Такое расхождение в датах с нарративной традицией вызвало в научной литературе дискуссию о том, чему следует доверять в вопросе о дате коронации Птолемея — свидетельствам античных авторов или документальным материалам. Большинство исследователей поначалу отдавали предпочтение документам, считая, что Диодор, Плутарх и другие поздние античные авторы следовали ошибочной литературной традиции о дате коронации Птолемея, идущей, вероятнее всего, от автора «Истории диадохов» Иеронима из Кардии [7, р. 8–10; 8, S. 93–98; ср.: 1, р. 253–256]. Вследствие этого, в научной литературе широко распространилось мнение о том, что Птолемей принял царский титул только после того, как доказал свое превосходство над Антигоном на поле боя, отразив вторжение Антигонидов в Египет в конце 306 — начале 305 гг. до н. э. [7, р. 4–5; 8, S. 88–90; 9, S. 156; 10, с. 14; 11, Sp. 1621–1622; 12, р. 28; 13, с. 48; 14, р. 57]. Поскольку же это событие все-таки достаточно далеко отстояло по времени от дат принятия царского титула, определяемых по демотическим папирусам, высказывались предположения о том, что официальная коронация Птолемея была дополнительно приурочена к какому-то событию после разгрома Антигона, например, к началу египетского года 7 ноября 305 г. до н. э. [7, р. 9–11; 8, S. 89–90] или к египетскому «царскому празднеству» 6 января 304 г. до н. э. [15, S. 45–52; ср.: 16, р. 73–74]. Временной промежуток между ранними датами коронации и началом упоминания царского титула Птолемея в папирусах объяснялся при этом неразвитостью коммуникаций в древнем Египте — письмо в район Фив, откуда происходят последние папирусы, датированные именем Александра IV, могло идти, якобы, несколько месяцев [7, р. 8; 16, р. 73, п. 102]. Однако еще более существенный временной промежуток между победой над Антигоном и принятием царского титула не находил в указанных работах убедительного истолкования.

Иную гипотезу предложил Э. Грюэн. По его мнению, поскольку в Паросской хронике упоминание о коронации Птолемея следует сразу же за сообщением об окончании осады Родоса Деметрием Полиоркетом, можно полагать, что Птолемей официально принял царский титул именно после этого события, то есть весной 304 г. до н. э. [1, р. 256–257]². Птолемей помогал родосцам в отражении осады, и поэтому поражение Деметрия могло быть представлено им как его собственная победа над царями, дающая повод для коронации. Эта точка зрения также получила поддержку

¹ Демотические письма, датированные вторым годом правления Птолемея I [4, р. 104], в том числе названный выше папирус от 28 ноября 304 г. до н. э., вызывают некоторые сомнения, ибо в них указана неполная египетская титулатура этого царя. Предполагаемая датировка других демотических документов вторым годом Птолемея [3, р. 31], опровергается данными палеографии, а также анахронистическим упоминанием в них имени царицы Береники I и эпитета Птолемея «Сотер» [5, р. 8, п. 20].

² К. Беннет замечает, что подобную мысль задолго до Грюэна высказывал У. Тарн [6, п. 7], хотя она и не нашла развития в его работах.

в научной литературе [2, p. 159; 17, p. 605–607]. Некоторые исследователи высказывали предположения, что и после этой победы официальная коронация была приурочена к важным датам — годовщине смерти Александра в 304 г. до н. э. [18, p. 69–76] или началу нового македонского года [6, п. 7]. Между тем, эта гипотеза имела два слабых места. Во-первых, в действительности участие Птолемея в отражении осады Родоса было не столь существенным, чтобы дать повод для официальной коронации — родосцы не без помощи египетского правителя, но все же сами отстояли свою независимость. Во-вторых, в вавилонских клинописных текстах Селевк именуется царем уже 14 апреля 304 г. до н. э. [5, p. 9], то есть, видимо, еще до окончания осады Родоса, а из нарративных источников известно, что он принял царский титул после Птолемея. Э. Грюэн и К. Беннет считают, что нарративная традиция искажает реальность и в этом вопросе [1, p. 255; 6, п. 7], но подтверждений этому у нас нет — источники акцентированы на том, что Птолемей принял царский титул первым после Антигонидов и именно его примеру последовали Селевк и другие диадохи¹.

В историографии существует еще один любопытный подход к проблеме датировки коронации Птолемея — его предложил еще в конце XIX ст. М. Страк. По его мнению, Птолемей был провозглашен царем сразу же после коронации Антигонидов, но ритуал его официальной коронации как фараона был проведен в Мемфисе только в конце 305 или начале 304 г. до н. э., что и объясняет расхождение в датировке между греческими и египетскими текстами [19, S. 191, Anm. 7]. Эта идея в свое время была поддержана некоторыми учеными [20, p. 71–72; 21, p. 28–29], но не получила широкого признания из-за уверенности исследователей в недостоверности нарративной традиции о коронации Птолемея.

В относительно недавнее время появился источник, который позволил вернуть доверие к сообщениям античных авторов и возродить к жизни гипотезу М. Страка. Это папирусный текст Кельнской коллекции (P. Köln, № 247), впервые опубликованный в 1987 г. Данный текст представляет собой фрагмент литературного сочинения, написанного на Родосе во II—I вв. до н. э., возможно, Зеноном Родосским [22, S. 96–99; 23, S. 260–261]. Текст плохо сохранился, но все же позволяет понять, что речь в нем шла о принятии царских титулов Антигоном и Птолемеем и отношении Родоса к этим событиям. В первой колонке говорится о коронации Антигона, который первым из диадохов принял царский титул, намереваясь «захватить власть над ойкуменой и установить контроль над всеми делами по примеру Александра» (P. Köln, 247, col. I, vs. 1–28). Вторая колонка описывает реакцию Птолемея на эти события — после некоторых консультаций с родосцами и жителями других полисов он также принял царский титул и именно в ответ на коронацию Антигона (P. Köln, 247, col. II, vs. 5–40). Третья колонка посвящена изложению общих принципов политики Родоса в эпоху диадохов с позиции местного патриотизма (P. Köln, 247, col. III).

В первых двух колонках события, связанные с принятием диадохами царских титулов, описаны совсем не так, как у Диодора и других античных авторов. Поэтому некоторые исследователи увидели в этом фрагменте независимое от «иеронимовской» традиции подтверждение того, что Птолемей принял царский титул вслед за Антигоном в 306 г. до н. э. — ведь ни о каких предварительных победах речь здесь не идет [22, S. 97–99; 23, S. 261; 24, S. 6–7]. Чтобы объяснить расхождение в датах между литературной и документальной традицией, первый издатель папируса К. Мареш выдвинул предположение в духе гипотезы М. Страка — о том, что у Птолемея в действительности было две коронации — как греческого басилевса в 306 г. до н. э., и как

¹ Т. Бойи полагает, что Селевк мог принять царский титул во время праздника вавилонского нового года в апреле 305 г. до н. э. [5, p. 9–11], но обосновывает свое мнение только тем, что этот праздник был хорош для коронации. Нет данных о том, что Селевк принимал участие в этом празднике, и даже что праздник вообще проводился в 305 г. до н. э.

египетского фараона — в конце 305–304 г. до н. э. [22, S. 96–99]. Его поддержал впоследствии детально исследовавший данный папирусный фрагмент Г. Лехман [24, S. 1–6], а затем и другие исследователи [16, p. 74; 25, S. 13–14].

Нашлись у этой точки зрения и оппоненты. Так, Б. Босуорт считает, что события, описанные в кельнском папирусном фрагменте, следует относить не к «году царей», а к 309–308 гг. до н. э., когда Птолемей совершил рейд в Малую Азию и Балканскую Грецию с целью «освобождения эллинов». По мнению Босуорта, уже тогда Антигон и Птолемей собирались провозгласить себя царями, и описанные здесь события не более чем их неофициальные коронации в кругу «друзей» [26, p. 236–237]. Р. Биллоуз подошел к оценке кельнского папируса еще более скептически — по его мнению, этот текст вообще не заслуживает доверия, потому что является лишь отражением родосской пропаганды, направленной против Антигонов [2, p. 351–352].

Для таких критических суждений у нас нет достаточных оснований. Текст папируса не оставляет сомнений в том, что в нем упоминаются именно подлинные акты принятия царских титулов, а не неофициальные коронации «в кругу друзей». Характер изложения и явное пересечение с информацией других нарративных источников не позволяет видеть в этом сочинении и чисто пропагандистский памфлет [26, p. 237]. Но позволяет ли этот фрагмент так однозначно доверять античной нарративной традиции в вопросе о дате коронации Птолемея, как это делают К. Мареш и его последователи? Нам представляется, что нет. Из сохранившегося текста действительно можно заключить, что причиной коронации Птолемея было именно желание дать достойный ответ на коронацию Антигона — не было никаких побед и других событий, которые бы дали Птолемею дополнительный повод. Однако в папирусе нигде прямо не говорится о том, что Птолемей принял царский титул сразу же после того, как узнал о коронации Антигонов. Как правильно заметил Б. Босуорт, информация о коронации диадохов вырвана здесь из последовательного исторического контекста эпохи [26, p. 351]. Об этом, в частности, говорит тот факт, что, судя по обрывкам слов, сохранившимся во фрагменте папируса, который, вероятнее всего, примыкал к первой колонке [22, S. 108], после упоминания о принятии Антигоном царского титула в тексте шел краткий очерк его «восхождения к трону» с упоминанием жертв его коварства и алчности — Алкеты, Эвмена, аргираспидов. Следовательно, об этом ранее речь не шла и Антигон, видимо, вообще был достаточно «новым» персонажем в данном сюжете. Поэтому нет никакой уверенности в том, что события, связанные с коронациями Антигона и Птолемея, описывались тут с соблюдением хронологической последовательности. Это и неудивительно, если учесть, что данное сочинение было посвящено не истории диадохов, а истории Родоса и затрагивало только те факты из истории диадохов, которые касались островитян.

Кроме того, если даже предполагать наличие внутри данного сюжета четкой временной последовательности, нельзя не заметить, что между сообщениями о принятии царских титулов Антигоном и Птолемеем содержатся лакуны. Во фрагменте А, видимо, являющимся окончанием колонки I, не хватает минимум семи строк до конца, и в начале колонки II перед описанием коронации Птолемея первые четыре строки содержат лишь обрывки слов, не подлежащих восстановлению. Издатели уверены, что речь здесь шла о позитивной реакции родосцев на принятие царского титула Антигоном [22, S. 97], причем этот вывод делается только на основании присутствия слова εὐδοκίσεως в первой строке. Однако родосцы могли одобрительно принять не только коронацию Антигона, но и, например, помощь Птолемея во время осады Деметрия — после рассказа о злодеяниях властолюбивого Антигона родосский автор вряд ли стал бы говорить о том, что родосцы приветствовали его коронацию. Вообще, в несохранившихся строках могла идти речь о чем угодно, например, о каких-то событиях между двумя коронациями или времени, которое прошло между ними. Более того, сообщение о коронации Антигона само по себе могло быть экскурсом в прошлое, призванным

объяснить причины участия родосцев в провозглашении Птолемея царем¹. В поврежденном начале первой колонки папируса упоминаются Птолемей и Лисимах, что вполне может быть связано с описанием осады Родоса в 305–304 гг. до н. э., ведь если Птолемей и раньше имел контакты с Родосом [27, р. 334–337], то отношения Лисимаха с островитянами начались, видимо, только во время осады [28, р. 68]. Возможно, что здесь шла речь об отправлении родосцами писем к Птолемею, Лисимаху и Кассандру с просьбой о помощи перед началом осады Деметрия, о чем упоминает в своем изложении Диодор (Diod., XX, 84, 1). Примечательно, что и в конце колонки III (P. Köln, 247, col. III, vs. 41), после описания политики Родоса, упоминаются какие-то военные акции или войска Птолемея, которые впервые появились на Родосе тоже только во время осады². Поскольку рассказ о коронации Птолемея был помещен в колонке II между этими двумя упоминаниями, можно предположить, что он являлся внутренним сюжетом в истории об осаде Родоса. В таком случае дата принятия царского титула Птолемеем приближается к данным документальных источников.

Когда во второй колонке после начальной лакуны речь заходит непосредственно о провозглашении царем Птолемея, вновь ничего не говорится о том, что он провозгласил себя царем сразу же вслед за Антигоном. Само принятие царского титула не сводится здесь к одному временному пункту. Из обрывков первой сохранившейся фразы можно понять, что Птолемея уже называли царем перед тем, как он отправил письмо демосу Родоса, «ничего не имея против родосцев и других эллинов, а просто отвечая на их письменные прошения»³. Из дальнейшего изложения ясно, что Птолемей выражал свою озабоченность на счет Антигона, то есть, видимо, опасался реакции с его стороны на ответное принятие царского титула. Однако демос счел это (видимо, царский титул Птолемея) полезным для себя⁴. И когда от Родоса Птолемею пришло ответное письмо, он решился на принятие царского достоинства⁵. Однако и это была еще не официальная коронация. После существенной лакуны в тексте папируса говорится, что «друзья Птолемея, среди которых были и родосцы, сочли его достойным царского звания», поскольку опасались, что рост власти Антигона будет тягостным, а в отношении Птолемея были уверены, что он не выйдет за пределы гегемонии и не будет действовать самовольно по отношению к ним⁶. Видимо, эти

¹ Б. Босуорт предполагает, что это могла быть прямая речь одного из приближенных Птолемея, направленная на дискредитацию Антигонидов [26, р. 237].

² Во фрагменте С упомянуты вместе Птолемей и Деметрий [P. Köln, 246, frg. C, 5–6], что, возможно, тоже относится к описанию осады. Но к какой части текста примыкает этот фрагмент, определить невозможно.

³ P. Köln, 247, col. II, vs. 6–12: ὄλαιστροσηγόρευσαν βασιλέα πρὶν ἢ γράψαι πρὸς τὸν δῆμονοῦ... [.] μενοκατὰ Ρο[δίω]ν καὶ τῶν ἄλλ[ων], ἀλλ' ἀντιφ[ω]νοῦντες τοῖς ὑφέκαστων γραφομένοις. Значение фразы не совсем ясно, так как начало ее не сохранилось, но из последующего изложения понятно, что речь идет о Птолемее. Употребление глагола προσῆγορεύω подразумевает обычно провозглашение царем со стороны какой-то внешней силы или высшей инстанции [29, с. 103]. Но в данном контексте речь, видимо, должна идти о приближенных лицах, «друзьях» правителя, которые упоминаются в связи с коронацией Птолемея ниже. Менее вероятно, что Птолемея именовали царем какие-то греческие полисы, еще до того как он отправил им официальное послание — см. в публикации папируса дополнение, сделанное к этому тексту Г. Функе [22, S. 105]. Из последующего изложения ясно также, что официальная коронация еще не состоялась, ибо Птолемей потом вновь принимает «царское достоинство», а затем еще и признается достойным царского титула «друзьями».

⁴ P. Köln, 247, col. II, vs. 12–15: [δι]ὸ τὸ μὲν Ἀντίγονου ἠνώχλεσεν, ταῖδε δὲ [μοι] χρησιμὸς [ἐγένετο]

⁵ P. Köln, 247, col. II, vs. 15–19: δεῖξ[ά]μενος γὰρ [... Πτολεμ]αῖος ἂν παρεγ[ρά]φῃ ἐν τοῖς γράμμασιν [κ] αὐτοῦ τὴν βασιλικὴν ἔσχε πρόστασιν

⁶ P. Köln, 247, col. II, vs. 28–38: οἱ δὲ φίλοι [ι] κα[ι] τῆξ[ι]ου ν αὐτὸν τῆς βασιλικῆς [ἐπι]κλήσεως, ἐνοῖκαί Ρό[διο]ι, τὴν μὴ αὐξ[η]σ[ι]ν [τῆ]ν Ἀντιγόνου προ[σδεχό]μενοι βαρεῖαν ἐσ[ομέ]νην [ν], τὸν δὲ Πτολε[μα]ῖον α[ι]ροῦμε[ν] νομε[ν] εἰς ἐπιτήρησιον ἀξέμμηθενι ... ημεῖοι καθ' ὅσον καθ' αὐτοῦς.

слова подразумевают уже акт официальной коронации Птолемея, в котором, как это было принято в эллинистическую эпоху, важнейшую роль играют «друзья» монарха.

Таким образом, в тексте Кельнского папируса принятие Птолемеем царского титула представлено не как единовременный акт, а как продолжительный процесс, в ходе которого египетский правитель готовил почву для своей официальной коронации с помощью «друзей» и союзных греческих полисов. Поначалу Птолемея, очевидно, стали именовать царем в его непосредственном окружении или же на некоторых подчиненных ему территориях, и он решился сообщить об этом родосцам и другим эллинским союзникам в ответах на их прошения по различным вопросам. Не исключено, что Птолемей даже не говорил об этом прямо, а, желая узнать реакцию эллинов на свою инициативу, просто стал подписывать письма царским титулом, «отвечая на прошения каждого» и «ничего не имея против родосцев и других эллинов». Получив одобрение своим планам, в том числе, видимо, и заверения в том, что не стоит волноваться о правах Антигона как единого монарха империи Александра, он принял «царское достоинство» и через какое-то время официально был провозглашен царем своими «друзьями» в Александрии.

Весь этот процесс должен был занять определенное время, и коронация Птолемея могла поэтому отодвинуться от коронации Антигона на внушительный срок. Кроме того, из текста папируса не понятно, когда именно начался этот процесс, то есть когда Птолемей начал вести переписку с Родосом и другими полисами по вопросам принятия царского титула. Издатели папируса полагают, что это произошло сразу после коронации Антигона, но для такого утверждения у нас нет оснований. Гораздо более вероятно, что эта переписка началась перед осадой Родоса Деметрием — весной — в начале лета 305 г. до н. э., ведь именно тогда родосцы впервые обратились к Птолемею с прошением о помощи, на которое, очевидно, и последовал уже «царский ответ». Возможно, что в словах «ничего не имея против родосцев и других эллинов», делается противопоставление Птолемея Антигону, который незадолго до этого посылал Родосу письма с повелениями и угрозами, заставляя родосцев вступить в войну против Птолемея (Diod., XX, 82, 1–3). Очевидно, автор хочет подчеркнуть здесь, что египетский правитель мягко, как бы мимоходом, «отвечая на послания каждого», заявляет о своих царских амбициях, в то время как Антигон, пользуясь царским саном, требует подчинения и прибегает к угрозам.

Последующие события, связанные с начавшейся осадой, могли заставить Птолемея отложить коронацию, и, возможно, только когда стало ясно, что Деметрию не удастся покорить Родос, египетский правитель возобновил коммуникацию по этому вопросу и решился принять царский титул официально. Поэтому коронацию Птолемея вполне можно отнести если не к окончанию, то, по крайней мере, к последней фазе осады Родоса — к периоду конца 305 — начала 304 г. до н. э., что в целом совпадает с датировками, получаемыми на основе египетских документов и Паросской хроники.

Таким образом, текст Кельнского папируса позволяет утверждать, что Птолемей провозгласил себя царем в ответ на коронацию Антигона, но не дает оснований для сближения этих двух событий во времени. Между ними прошло, видимо, около полутора лет. Чем же объясняется такой существенный разрыв? Нам представляется, что причина здесь кроется в необходимости тщательного обоснования ответной коронации Птолемея. Египетский правитель до принятия царского титула Антигоном, судя по всему, сам достаточно открыто претендовал на имперский трон. В 309–308 гг. до н. э. он совершил рейд в Малую Азию и Грецию (Diod., XX, 27, 1–2, 37, 1), конечной целью которого, видимо, был захват царской власти во всей империи [2,

р. 143–145; 26, р. 214–217; 27, р. 336–337]¹. Именно тогда появилось и так называемое «Завещание Александра» — сфальсифицированный документ, который, как показал Б. Босуорт, в завуалированной форме обосновывал право Птолемея на трон Аргеадов [26, р. 207–241]. Однако ему не удалось тогда реализовать свои амбиции, и в 306 г. до н. э. Антигон опередил его, приняв титул царя всей империи Александра. Теперь Птолемей оказался в затруднительном положении, ибо было совершенно не ясно, как он должен реагировать на коронацию Антигона. Представление о персональной эллинистической царской власти в то время еще не могло сложиться, потому что для него не было исторических прецедентов, а наследственный македонский трон Аргеадов был узурпирован Антигонидами. В условиях тех лет существовало только два известных варианта реагирования — бороться за свержение Антигона и захват имперского трона или продолжать отстаивать собственную независимость в качестве сатрапа в несуществующей уже империи. Оба эти варианта были малоперспективны, ибо первый из них вел к конфликту не только с Антигоном, но и с остальными диадохами, а второй — принижал бы статус Птолемея в сравнении с Антигоном. Поэтому Птолемей, видимо, избрал альтернативный путь — провозгласить себя «вторым царем» державы Александра. Ведь если Антигон отважился на узурпацию трона, то Птолемей, отстаивая свои предполагаемые «царские права», должен был тоже принять царский титул. Однако он находился теперь в худшем положении, чем Антигон, потому что лишился пальмы первенства. Трон был занят, это признали подданные Антигона и большинство греческих полисов, и непонятно было, в каком качестве царем может стать теперь Птолемей. В такой ситуации моментальная ответная коронация выглядела бы как жалкое подражание Антигону со стороны проигравшего соперника. Птолемей должен был доказать, что является не менее или даже более достойным претендентом на царскую власть, чем Антигон, и, по возможности, не узурпировать трон, а получить его от эллинов и македонян. Только это могло бы сделать возможным появление второго легитимного царя на территории державы Александра. Поэтому Птолемей не торопился с официальным провозглашением себя царем — он ждал, когда Антигониды допустят какой-либо промах в отношениях с греко-македонским миром и он получит возможность предложить свою благостную власть в качестве альтернативы. Такой момент как раз и наступил с началом конфликта между Деметрием Полиоркетом и Родосом. Антигониды развязали агрессию против дружественного независимого полиса, проявив тем самым деспотизм, чуждый истинным преемникам Александра. Птолемей, приходя Родосу на помощь, напротив, продемонстрировал истинно царскую благодетельность и заботу о свободе эллинов. Поэтому принятие им царского титула должно было казаться теперь обоснованным и даже необходимым. И очень важным было, чтобы Птолемея признали царем именно независимые греческие полисы, а не только египтяне, войско или «друзья» — это делало его коронацию гораздо более обоснованной, чем коронацию Антигона, и придавало его титулу глобальный, «имперский» характер. Теперь уже было не важно, что Птолемей контролировал лишь небольшую часть империи — он ведь не просто занимал пустующий трон Аргеадов, а признавался равным Антигону по своему царскому достоинству и мог предъявлять претензии на все, что сможет завоевать. Монархическая власть вместе с коронацией Птолемея отрывалась от конкретной территории, народа или права наследования и превращалась в персональную эллинистическую бацилею, оправданную, в первую очередь, личными достоинствами царя. Процесс

¹ В пользу этого свидетельствуют попытки Птолемея заключить брак с сестрой Александра Клеопатрой и возродить под своим началом созданный Филиппом Коринфский союз (Diod., XX, 37, 1–5). Кроме того, Б. Босуорт показывает, что некоторые надписи, в которых Птолемей носит царский титул, должны быть датированы уже этим периодом [26, р. 230–234].

становления этой новой формы единовластия фактически и занял то время, которое прошло от коронации Антигона до принятия царского титула Птолемеем.

Предложенный нами взгляд на коронацию Птолемея находит подтверждение в тексте Кельнского папируса. Как мы видели, Птолемея там провозглашают царем именно «снизу» — «друзья» и греческие полисы. При этом он, поначалу, как бы не решается принять титул, «волнуясь из-за Антигона», ибо тот уже является царем. Только, видимо, после просьб и убеждений со стороны родосцев и «друзей» Птолемей соглашается стать царем официально, причем речь идет о принятии именно «царского достоинства», а не просто царской власти. И «друзья» возлагают на Птолемея диадему не благодаря его победам, а именно потому, что египетский правитель более достоин быть царем, чем деспотичный Антигон, ибо в отличие от него не выйдет за пределы гегемонии в отношении с эллинами и не будет недостойно относиться к ним самим.

Если все происходило так, как мы предположили, становится понятным, почему в тексте Кельнского папируса столь заметная роль в процессе принятия Птолемеем царского титула отводится Родосу¹. Начало противоборства Антигонидов с Родосом фактически открыло Птолемеему путь к царской власти. Этот полис был главной жертвой антигоновского деспотизма, и поэтому очень важно было, чтобы именно он признал Птолемея царем и убеждал его в необходимости официальной коронации. Это должно было продемонстрировать, кого эллины считают истинным царем в державе Александра. Кроме того, Родос был отнюдь не рядовым союзником Птолемея. По крайней мере, с 309 г. до н. э. этот диадох поддерживал с родосцами настолько тесные экономические отношения, что даже позаимствовал родосский стандарт для своих монет [27, р. 336–337]. Значительная роль была отведена Птолемеем родосцам и в «Завещании Александра» — они выступали здесь исполнителями посмертной воли покойного завоевателя и арбитрами в конфликтах между диадохами [26, р. 213–214]². Сами родосцы, как мы показали ранее, были весьма заинтересованы в провозглашении Птолемея царем из политических и экономических соображений [30, с. 109–111]. Это они продемонстрировали не только своим участием в коронации Птолемея, но и другими действиями, прежде всего — учреждением после окончания осады Родоса культа египетского правителя (Diod., XX. 100, 2–4), который приравнивал его к Антигонидам, активно почитавшимся в греческих полисах наравне с богами [30, с. 95–117]. В целом, роль Родоса для Птолемея была сопоставима с ролью Афин для Антигонидов. Оба эти полиса призваны были демонстрировать поддержку монархических амбиций своих покровителей со стороны греческого мира. Афины еще до коронации Антигонидов не только учредили их культ, но и впервые назвали их царями (Plut., Demetr. 10–12). Участие родосцев в провозглашении Птолемея царем, как видно из текста Кельнского папируса, было еще более весомым, ибо официальная коронация оказалась связанной с событиями вокруг Родоса.

В свете этих данных может показаться верной точка зрения Э. Грюэна о том, что Птолемей принял царский титул по окончании осады Родоса. Но хронологические несоответствия не позволяют ее принять. И это вполне закономерно — Птолемея более интересовал сам факт осады Родоса, чем победа над Деметрием. Для планов Птолемея родосцы были важны как спасаемые им жертвы Антигона, а не как победители узурпатора трона. Поэтому коронация произошла, очевидно, еще во время осады, а после ее окончания Птолемей получил от родосцев культовое почитание, еще более повысившее его статус как легитимного царя.

¹ Исследователи объясняют это лишь влиянием родосской пропаганды на автора [22, S. 97–99; 2, р. 352–353].

² Это наводит на мысль, что «Завещание» могло быть создано не в 309–308 гг. до н. э., как считает Б. Босуорт, а в 305 г. до н. э. специально для обоснования коронации Птолемея с участием Родоса.

Таким образом, у нас есть серьезные основания полагать, что Птолемей принял царский титул официально не сразу после коронации Антигона, а лишь спустя полтора года — во время осады Родоса, в конце 305 — начале 304 г. до н. э., как о том и свидетельствуют Паросская хроника и другие документальные источники. Время, прошедшее от провозглашения царем Антигона до этой даты, было занято созданием легитимной основы для царского статуса Птолемея. Египетский правитель не хотел принимать титул ни после поражения от Антигона, ни после победы над ним. Он ждал возможности предстать перед греко-македонским миром в качестве не менее достойного, чем Антигон, царя. И даже когда такая возможность представилась в связи с осадой Родоса, Птолемей официально принял диадему не сразу, а только после того, как получил признания своего права на власть со стороны «друзей» и греческих городов. Тем самым он демонстрировал, что не просто пришел на пустующий трон Аргеадов, а был призван к власти самими эллинами и македонянами, доказав свое личное царское достоинство. В процессе принятия Птолемеем царского титула фактически и рождалась эллинистическая персональная монархия, основанная в большей степени на личных качествах и заслугах царя, чем на наследственной традиции и территориальном праве.

В изложении поздних античных авторов временной разрыв между провозглашением царями Антигона и Птолемея не нашел адекватного отображения, видимо, именно потому, что никаких специальных поводов для коронации Птолемея не существовало — он принял царский титул в ответ на коронацию Антигона, но сделал это отнюдь не сразу, а после длительной подготовки. Необходимость этой подготовки для авторов, писавших в эпоху расцвета эллинизма, а тем более в более поздние периоды, была отнюдь не очевидна, потому что эллинистическая монархия являлась для них свершившимся фактом. Поэтому и время между коронациями Антигона и Птолемея в их изложении «выпало». Кроме того, то обстоятельство, что Птолемей, видимо, начал называть себя в письмах царем раньше, чем провел официальную коронацию, также могло повлиять на взгляды античных авторов на этот вопрос. Недаром Диодор связывает коронацию Птолемея именно с тем, что он «везде стал подписываться как царь» (Diod., XX, 53, 3). В документальных же источниках эпохи раннего эллинизма, естественно, отразилась дата официального принятия Птолемеем царского титула, приходящаяся на конец 305 — начало 304 г. до н. э., что и обусловило их расхождение с более поздней нарративной традицией. Такое объяснение данного расхождения выглядит гораздо более правдоподобно, чем пресловутая гипотеза «двух коронаций» Птолемея, в которой официальной признается именно египетская коронация, не нашедшая отражения ни в греческих, ни в египетских текстах [31, р. 139–145].

Что же касается историографических дискуссий относительно даты коронации Птолемея, то на них, несомненно, сильнейшее влияние оказало представление о том, что победа над противником-царем была необходимым условием для принятия царского титула диадохами. Однако это представление в действительности порождено современной историографией. В изложении античных авторов коронации Птолемея и всех диадочов, кроме самого Антигона, являются лишь ответом на коронацию Антигонидов и не связаны с какими-либо военными действиями. Легитимную основу для коронации Птолемея, согласно тексту Кельнского папируса, составили отнюдь не его воинские заслуги: «друзья» сочли Птолемея «достойным царского звания» потому, что его правление, в отличие от правления Антигона, будет благостным для них. Птолемей становится «вторым царем» в державе Александра и фактически первым подлинным эллинистическим монархом не как победитель царей, которому дарует корону войско, а как басилевс-благодетель, которого приводят к царской власти благодарные «друзья» и союзные греческие полисы. Это лишний раз подтверждает тот факт, что власть эллинистических монархов основывалась не столько на воинских победах, как это сегодня считают многие исследователи, сколько на умении завоевывать расположение и внимание подданных демонстративными уступками и благодеяниями.

Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, эллинистический Египет, эпоха диадохов, Птолемей I, эллинистическая монархия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gruen E. S. The Coronation of the Diadochoi // The Craft of the Ancient Historian: Essays in Honor of Ch. G. Starr. — Lanham, 1985.
2. Billows R. A. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. — Berkeley; Los Angeles; L., 1990.
3. Depauw M., Arlt C., Elebaut M., Georgila M. A Chronological Survey of Precisely Dated Demotic and Abnormal Hieratic Sources. Version 1.0 (February 2007). — Köln; Leuven, 2008. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.trismegistos.org/top.php>
4. Karkowski J., Winnicki J. K. Amenhotep, Son of Napuan and Imhotep at Deir El-Bahari — Some Reconsiderations with an Appendix by E. Brecciani // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Kairoer Abteilung. — 1983. — Bd. 39.
5. Boiy T. The Reigns of the Seleucid Kings According to the Babylon King List // Journal of Near Eastern Studies. — 2011. — Vol. 70. — No. 1.
6. Bennet C. Egyptian Royal Genealogy. Ptolemy I. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tyndalehouse.com/egypt/ptolemies/ptolemy_i_fr.htm
7. Samuel A. E. Ptolemaic Chronology. — München, 1962.
8. Müller O. Antigonos Monophthalmos und „das Jahr der Könige“. — Bonn, 1973.
9. Beloch J. Griechische Geschichte. Bd. 4. — B.; Leipzig, 1925.
10. Бикерман Э. Государство Селевкидов. — М., 1985.
11. Volkmann H. Ptolemaios I Soter // Paulys Realenzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft. — Bd. 23. — Stuttgart, 1959.
12. Skeat T. C. The Reigns of the Ptolemies. — München, 1954.
13. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. — М., 1982.
14. Will E. The Succession of Alexander // Cambridge Ancient History. V. VII. Part 1. — Cambridge, 1984.
15. Merkelbach R. Isisfeste in griechisch-römischer Zeit. Daten und Riten. — Meisenheim-am-Glan, 1963.
16. Koenen L. The Ptolemaic King as a Religious Figure // Images and Ideologies: Self-definition in the Hellenistic World. — Berkeley; L. A.; Oxford, 2004.
17. AntelaBernardez B. The Anchor and the Crown. Seleucos' use of the 'anchor' coin type in 305 b. c. // Athenaeum. — 2009. — Vol. 2.
18. Grzybek E. Du calendrier macédonien au calendrier ptolémaïque: problèmes de chronologie hellénistique. — Basel, 1990.
19. Strack M. L. Die Dynastie der Ptolemäer. — B., 1897.
20. Bouché-Leclercq A. Histoire des Lagides. — Vol. 1. — P., 1903.
21. Bevan E. R. The House of Ptolemy. — L., 1927.
22. Maresh K. 247. Diadochengeschichte // Kölner Papyri. — Vol. VII, Bd 6. — Wiesbaden, 1987.
23. Funke P. Χρονικά συνταξείζ και ιστορία. Dierhodische Historiographie in hellenistischer Zeit // Klio. — 1994. — Bd. 76.
24. Lehmann G. A. Das neue Kölner Historiker-Fragment (P. Köln, Nr. 247) und die χρονική σύνταξις des Zenon von Rhodos (FGrHist 523) // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. — 1988. — Bd. 72.
25. Hölbl G. Geschichte des Ptolemäerreiches. Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander dem Großen bis zur römischen Eroberung. — Darmstadt, 1994.

26. *Bosworth B.* Ptolemy and the Will of Alexander // *Alexander the Great in Fact and Fiction.* — Oxford, 2000.
27. *Hauben H., van Dessel P.* Rhodes, Alexander and the Diadochi from 333/332 to 304 B. C. // *Historia.* — 1977. — Vol. 26. — No. 3.
28. *Lund H. S.* Lysimachus: A Study in Hellenistic Kingship. — L., 1992.
29. *Габелко О. А.* К династической истории эллинистической Каппадокии: царский дом Ариартидов // *Античный мир и археология.* Вып. 13. — Саратов, 2009.
30. *Нефедов К. Ю.* Культ правителей и коронация диадохов // *Из истории античного общества.* Вып. 12. — Нижний Новгород, 2009.
31. *Burstein S. M.* Pharaoh Alexander: A Scholarly Myth // *Ancient Society.* — 1991. — V. 22.

Резюме

Нефедов К. Ю. Коронация Птолемея I та виникнення елліністичної монархії

У статті розглянуто проблему прийняття царського титулу Птолемеєм I. Аналізуючи фрагмент історичного твору, що зберігся на папірусі P. Köln 247 та документальні свідчення, автор встановлює дату та обставини коронації Птолемея та доходить висновку, що ця подія відбулася більш ніж за рік після коронації Антигона Одноокого, під час облоги Родосу його сином Деметрієм Поліоркетом наприкінці 305 — на початку 304 рр. до н. е. Агресія проти Родосу була використана Птолемеєм як прецедент для проголошення себе альтернативним царем в колишній імперії Олександра Македонського.

Ключові слова: Східне Середземномор'я, елліністичний Єгипет, епоха діадохів, Птолемеї I, елліністична монархія.

Summary

K. Nefedov. Coronation of Ptolemy I and the Rise of the Hellenistic Kingship

The article deals with the problem of assumption of kingship by Ptolemy I. Analyzing the fragment of the historical work in P. Köln 247 and documental evidences, the author considered the date and circumstances of coronation of Ptolemy I and concluded that this event took place more than year after the coronation of Antigonos the One-Eyed, during the siege of Rhodes by Demetrios Poliorketes in late 305 — early 304 BC. Aggression against Rhodes had been used by Ptolemy as a precedent for his own proclamation of an alternative king in the former empire of Alexander the Great.

Key words: The Eastern Mediterranean, Hellenistic Egypt, the age of Diadochi, Ptolemy I, Hellenistic Kingship.

